В 1898-1890 годы Россия переживала экономический бум, сопровождавшийся бурным развитием товарно-денежных отношений. В этих процессах заметную роль начинают играть представители так называемой «благородной буржуазии», у которых проснулись чувства гражданственности, желание широко участвовать в различных формах общественной жизни. В их среде появилось много меценатов, стремившихся из чисто патриотических целей помочь своему народу. Большая часть таких людей происходила из мещанского или купеческого сословий.

Ярким представителем этой «новой волны» буржуазии был бийский купец-чуец Николай Иванович Ассанов. Зримое воплощение памяти о нем сохранилось в нашем городе Бийске в виде великолепной усадьбы в стиле модерн, стоящей на пересечении нынешних улицы Ленина и переулка III Интернационала.

Под стать зданию был и сам купец. Люди, окружавшие его, не только в Бийске, но и в Монголии, Москве, Санкт-Петербурге, всегда удивлялись неординарности мышления этого человека.

Н.И. Ассанов родился в ноябре 1865 года в городе Ирбите, расположенном между Тюменью и Екатеринбургом. Это был малоприметный серенький городишко с численностью жителей, едва достигавшей пяти с половиной тысяч человек. Но один раз в году, в феврале-марте, Ирбит преображался. Иногда в эти дни в город съезжалось до двухсот тысяч человек. Дело в том, что Ирбит был ярмарочным центром всей Сибири. В России была тогда только одна ярмарка – Нижегородская (бывшая Макарьевская), которая превосходила Ирбитскую по численности населения и обороту средств, но ее явно не хватало растущей рыночной экономике страны. Не случайно поэтому только за один месяц в Ирбите продавалось товаров на сумму почти семьдесят миллионов рублей.

В Ирбите существовало уездное училище. В нем имелось коммерческое отделение, в котором можно было изучить основы бухгалтерского дела. Родители Николая Ассанова отдали мальчика в это училище, чтобы он познал там азы коммерции. Да и сама ярмарка, которая была в Ирбите традиционной уже около двухсот лет, являлась великолепной «практической школой» для любознательного подростка.

На этой ярмарке можно было посетить различные увеселительные заведения. Туда приезжали выдающиеся актеры, различные театральные труппы. А когда сроки ярмарки совпадали с Маслени-

цей, широко и пышно отмечались здесь проводы зимы. Так что впечатлений для любознательного ума было более чем предостаточно.

Когда Ассанову исполнилось пятнадцать лет, он стал искать себе наставника в делах коммерции. И такой человек нашелся. Им стал Иван Петрович Котельников, ирбитский мещанин, который еще в конце 1850-х годов уехал на Алтай, в Бийск.

Натурализовавшись здесь, он стал заниматься торговлей сначала по Чуйскому тракту, а потом и в Монголии.

И.П. Котельникову удалось сколотить изрядный капитал, обороты которого иногда достигали ста и даже ста пятидесяти тысяч рублей в год. Как правило, Иван Петрович брал себе в помощники молодых способных приказчиков.

Одним из них был Алексей Данилович Васенев, также родом из Ирбита. К моменту приезда Ассанова в Бийск А.Д. Васенев уже заканчивал службу у Котельникова.

Со временем Николай Иванович Ассанов становится его правой рукой.

Первые десять лет жизни и работы в Монголии стали для Ассанова временем очень напряженной, упорной учебы. Надо было привыкнуть к местному климату (там нередки температурные перепады порядка сорока градусов за сутки). Надо было научиться верховой езде. Летом передвигались исключительно на лошадях, а зимой – на верблюдах. Необходимо было изучить местные языки. В Монголии тогда проживало несколько этнических групп, представители которых говорили на различных диалектах монгольского и других тюркских языков. Надо было выучить и китайский язык, потому что большую часть иностранных торговцев в Монголии составляли китайцы.

Резиденция И.П. Котельникова располагалась в городе Кобдо. Численность населения там составляла всего около трех тысяч человек, большинство из которых были китайской национальности. В окрестностях Кобдо постоянно кочевали монголы. Именно отсюда, начиная с 1881 года, когда был заключен между Россией и Китаем договор, создававший благоприятные условия для русской торговли не только в Монголии, но и в Китае, Котельников с Ассановым начали свои поездки по разным регионам Монголии.

И.П. Котельников делал попытки торговать даже на территории Китая, он ездил за Великую китайскую стену, но выдержать конкуренции с местными купцами не смог, поэтому вынужден был вернуться в Кобдо. И долгие годы Котельников продолжал заниматься торговлей только в пределах Монголии.

Николай Иванович Ассанов получал от своего шефа и наставника некоторые товары для собственной торговли на льготных условиях. Он занимался обычной в практике мелких русских купцов-чуйцев так называемой «хошунной» торговлей – это в какой-то мере его материально стимулировало.

Хошун – административно-территориальная единица, население которой отвечало круговой порукой за деяние каждого жителя этой местности. Если кто-то

из покупателей-монголов не мог вовремя рассчитаться с купцом за приобретенный товар, то недостачу можно было взыскать со всей округи.

Уже тогда Николай Иванович понравился многим монголам тем, что торговал честно, без всякого насилия, наглости. Более того, его шеф и наставник Иван Петрович Котельников и сам заботился о нравственном облике русских торговцев, не позволяя не только себе, но и приказчикам своим творить беззакония.

И Ассанов, и Васенев были в этом отношении исключительно честными купцами. Таких, конечно, местные жители уважали и поставляли им товар самого высокого качества. Постепенно у Ассанова появляются свои капиталы, а с ними и свои интересы. Десять лет спустя, когда истек срок контракта с И.П. Котельниковым, Ассанов решил начать самостоятельное дело.

В 1891 году, когда Ассанов отделился от Котельникова, тот сделал все, чтобы его талантливого преемника избрали купеческим старшиной. В Кобдо тогда проживало около трехсот русских торговцев. Бывали случаи, когда купеческого старшину так и не могли выбрать, а на кандидатуре Ассанова все сошлись единогласно. Он был человеком очень спокойным, обстоятельным, не склонным к каким-либо авантюрам, обладал чувством терпимости, сострадания, желанием помочь людям.

Вот почему все, кто работал с Николаем Ивановичем, старались оставаться с ним до конца. Это и Данила Андреевич Мальцев, и Павел Тимофеевич Ковалев, и Егор Дмитриевич Оболенский, и Николай Митрофанович Мотырев, и Александр Владимирович Ермолин, и Иван Дмитриевич Ермолин, и Павел Иванович Торопов. Все они постоянно выезжали с Ассановым за границу, и он всегда сам оформлял для них заграничные паспорта, билеты, которые положено было выдавать один раз в год. Даже и сейчас еще в Бийске живут люди, предки которых когда-то работали у Ассанова, и теплые воспоминания о нем передаются из поколения в поколение.

Должность купеческого старшины очень хлопотливая: нужно было утрясать множество всевозможных дел, связанных, как мы сейчас говорим, с межэтническими разборками между монголами, халха-монголами, дербетами, олетами, ойратами, урянхайцами. Ассанову всегда удавалось делать это с блеском и потому еще, что он в совершенстве владел уже тогда всеми местными наречиями.

Николай Иванович научился ладить с китайцами. Освоив тонкости сложного китайского этикета, узнав местный менталитет, Ассанов успешно с ними сотрудничал. Так постепенно Николай Иванович завоевывал все более прочные позиции в Кобдо.

Надо сказать, что у Ассанова было очень хорошее, крепкое здоровье. И.П. Котельников, когда отбирал его для работы в Монголии, учитывал и этот фактор. Бывало, за один день он преодолевал на коне расстояние до двухсот километров. А ежегодные поездки порой составляли по пятнадцать-двадцать тысяч верст.

Тогда в Монголии свирепствовало множество болезней. Самой

распространенной среди них был сифилис. Некоторые из бийских купцов – например, Павел Андреевич Копылов и другие – не смогли уберечь себя от этой заразы. Поэтому И.П. Котельников сразу же посвятил молодого Ассанова в опасности любых физических контактов с монголами. И Николай Иванович иногда с ужасом убеждался, что население отдельных хошумов почти поголовно страдало сифилисом. Однажды Ассанову пришлось побывать в юрте монгола, где почти все члены семейства имели провалившиеся носы.

Крепкое здоровье, молодость позволяли Ассанову успешно заниматься не только общественными, но и собственными делами. В эти годы Николай Иванович закупал большие партии шкурок сурка, а также овечью и верблюжью шерсть. Шкурки сурка тогда охотно покупали различные английские и немецкие компании. Каждый год они посылали своих представителей в Ирбит на ярмарку. Ассанов ездил в родной город часто, у него были прочные связи с зарубежными фирмами.

Англичане и немцы приобретали шкурки сурков и, перекрашивая их у себя на фабриках «под норку», успешно сбывали на западных рынках, в том числе и в США. А верблюжья шерсть и волос использовались ими для изготовления различного рода трансмиссий, лент, которые приводили в движение механизмы машин, овечья же шерсть шла на ткацкие фабрики.

Постепенно стоимость шкурок сурка в Монголии становится все выше и выше, а на Западе, напротив, появилась тенденция к спаду моды на меховые вещи из сурка. Ассанов, обладая глубокой интуицией, понял, что в этих условиях не стоит особо увлекаться добычей шкурок сурка, и предупреждал об этом коллег. В том числе таких, как Алексей Данилович Васенев (а это был очень опытный торговец), Григорий Григорьевич Бодунов, Разумник Иванович Кузнецов.

Вскоре в Монголии цена шкурки сурка достигла одного рубля (против прежних пяти-двенадцати копеек), а на ярмарках в Ирбите и Нижнем Новгороде они шли всего по тридцать-сорок копеек, и некоторые предприниматели на этом деле разорились. Такое явление в мировой экономике бийские купцы во главе с Ассановым окрестили «сурковой катастрофой».

Н.И. Ассанов к тому времени уже успел получить порядочные дивиденды не только от торговли шерстью, но и с продажи лошадей Пржевальского. Надо сказать, что о таких лошадях стало известно в 1879 году, когда первую шкуру и череп животного сам Пржевальский привез в Петербург. Тогда это было настоящей зоологической сенсацией. Но живых лошадок в то время никто, кроме местных жителей, ещё не видел, и западные любители диковинок, торговцы животными для зоосадов такие, как петербуржец Фридрих Фальцфейн или германский управляющий зоосадами Карл Гагенберг, английский герцог фон Бетфорд, «из кожи вон» лезли, чтобы получить этих лошадок для своих коллекций.

В начале девяностых годов прошлого столетия, когда Ассанов только приступил к должности купеческого старшины, в Коб-

до приехал известный в те годы ученый Дмитрий Александрович Клеменц. Он был связан с зоологическим институтом, с Императорской академией наук. По просьбе Фальцфейна Клеменц предложил Ассанову заняться отловом лошадей Пржевальского. Были наняты местные русские охотники – оба из Бийска, – некие Власов и Захаров (их имена, к сожалению, неизвестны). Николай Иванович предложил им отправиться с ним в Джунгарию (Монгольский Алтай) – это от Кобдо на расстоянии восемьсот-девятьсот километров.

Им удалось поймать шестерых жеребят лошадей Пржевальского. К сожалению, у Ассанова не было опыта обращения с этой экзотической породой: сразу же по дороге умерли четыре жеребенка.

Двух уцелевших лошадок Пржевальского, привезенных в Кобдо, случайно напоили не кобыльим, а овечьим молоком. И оба жеребенка погибли. Поэтому Ассанову пришлось начинать все сначала. С 1898 по 1904 годы Н.И. Ассанов по поручению Клеменца и по договоренности с Фальцфейном, а также имея договор, в котором фигурировали представители Императорской академии наук, вывез в общей сложности из Монголии 53 жеребенка лошадей Пржевальского. Они-то как раз и составили ту основную группу животных, от которых ведут сейчас свое происхождение все ныне живущие в зоопарках мира лошади Пржевальского. В общей сложности их должно быть сейчас около девятисот голов. А начало было положено нашим земляком, бийчанином.

Николаю Ивановичу удавалось через Бийск провозить большие партии лошадей. Старожилы рассказывали, что однажды он погнал тридцать жеребят. В дороге один из них погиб. На Вихоревской переправе, когда разгружалась эта партия, один из жеребят спрыгнул и сломал себе ногу, его тут же съели бийские грузчики, среди которых было много кумандинцев. Таким образом, на Запад было отправлено в тот раз двадцать восемь лошадей Пржевальского.

Н.И. Ассанов получал от этих торговых операций по три тысячи рублей золотом за каждую голову животного – довольно приличные деньги по тем временам. Но и расходы у Ассанова, конечно, тоже были большие. В 1901 году Николаю Ивановичу удалось спасти двух жеребят, которых он привез в Бийск из Кобдо и держал у себя на подворье года полтора.

Однажды сюда приехал известный в те времена князь Ухтомский и увез этих лошадок в Петербург, что вскоре стало известно даже Николаю II.

Надо сказать, что Ассанов, будучи купеческим старшиной (а в этой должности он был рекордное количество лет – с 1891 по 1906 год), оказывал большую помощь путешественникам и исследователям Центральной Азии. О бийском купце знали Козлов, Потанин, Певцев, Позднев. Профессора Томского университета Боголепова и Соболева даже получали от Николая Ивановича финансирование на проведение своих исследований. Ученые, имея большую помощь от Ассанова, посылали его письма, отчеты в Петербург.

И вот произошло необыкновенное событие: в 1901 году Импе-

раторская академия присвоила Н.И. Ассанову звание члена-корреспондента академии наук. В то время он был единственным из всех сибирских купцов, который удостоился такого высокого ученого звания.

В 1905-1906 годах в Монголии свирепствовала оспа. Громадное количество местного населения, особенно халха-монголов (а их в стране было, примерно, четыреста тысяч), стало поголовно вымирать. Ассанов попросил своего доверенного, бийчанина Ивана Дмитриевича Ермолина, привезти из города вакцину для прививок от оспы. Любопытно, что в то время даже глава ламаистов в Монголии, зная о спасительной силе прививок, дал команду своим соотечественникам подчиняться русским врачам, если будет проводиться вакцинация. Один же из монгольских лам, увидев в Китае, как делаются прививки, додумался брать гной у заболевших людей и, делая надрез на коже человека, втирал туда гной. И пациенты этого горе-врачевателя умерли все до единого.

На таком фоне полным контрастом были результаты прививок, сделанных под руководством Ассанова. Ни один из монголов, получивших прививку, не заболел и не умер. Можно представить, как уважительно после этих событий стали относится к русскому купцу рядовые монголы. Николай Иванович тоже никогда не избегал общения с ними, он видел в них людей, а не каких-то там дикарей. Когда эти монголы приезжали в Бийск, они всегда находили приют в его доме. Даже в новом особняке, который он построил в 1912 году, Николай Иванович всегда оказывал монголам любую нужную им помощь.

Существует расхожее мнение о том, что многие бийские купцы занимались распространением спиртных напитков в Монголии. Это неверно. Хотя и находились мелкие купцы, которые пытались за короткий срок урвать большие деньги, спаивая местное население, их все же было очень мало. В Монголию таких вообще не пускали.

Правда, в Горном Алтае подобные случаи бывали, но купеческие старшины, особенно Васенев и Ассанов, строго следили за использованием спиртных напитков в крае и Монголии. Если же становилось известно о спаивании монголов, таких купцов сразу отправляли в Россию и больше документов на проезд за границу не выдавали.

В 1892 году Н.И. Ассанов женился на дочери купца Андрея Петровича Кричевцева, который тоже занимался торговлей в Бийске и его окрестностях. Какое-то время он торговал и в Монголии. Молодая жена Ассанова в свои семнадцать лет была не по годам развита, умна. После смерти отца она даже возглавила его предприятие. Мария Андреевна неоднократно бывала в Монголии, жила на подворье в Кобдо. Свидетели рассказывают, что она постоянно занималась самообразованием, много читала. И, очевидно, не без ее влияния Николай Иванович стал выписывать в Кобдо различные журналы и газеты. Все это делалось еще и для того, чтобы приказчики Ассанова тоже приобщались к новостям из России, а также узнавали практические сведения, получали знания из этих периодических изданий.

У Николая Ивановича к тому времени была там своя резиденция, громадное подворье с хорошим огородом. Кроме того, на реке с одноименным названием он купил один из больших островов и держал там свою живность. С этих огородов Ассанов получал довольно приличные урожаи картофеля, моркови, китайских огурцов, капусты. Так что у него не было проблемы с витаминами и овощами.

Иногда на Ассановском подворье даже устраивались спектакли. Любопытно, что такие же театральные постановки делались и в Улясутае, где купеческим старшиной был избран другой воспитанник Котельникова – Алексей Данилович Васенев.

В Бийске Николая Ивановича хорошо знали не только как мецената, благотворителя, но и как активного гражданина, который принимал самое живое и непосредственное участие в общественной жизни города. С 1908 года его постоянно избирали гласным городской Думы, а в 1911 году он занял пост помощника председателя местного отделения Российской экспортной палаты. Ассанов входил также в состав Бийского биржевого комитета и несколько лет подряд являлся старшиной городского купеческого клуба.

Поскольку Ассанов был прекрасным наездником, большим любителем и знатоком лошадей, он совместно с Кузнецовым и Бодуновым стал учредителем и членом правления Общества поощрения рысистого коннозаводства. В годы Империалистической войны громадное количество лошадей непосредственно под наблюдением Николая Ивановича было отправлено для нужд действующей армии.

Когда закончились торговые операции с сурком и Ассанов вынужден был акцентировать внимание на других источниках доходов, связи с армией и Военным ведомством ему пригодились. Большие партии сыромятной кожи Николай Иванович отправлял в Омское военное интендантство. Там эту сыромять пускали на армейские нужды, ведь тогда вся тягловая сила в войсках была конная, и сыромятная кожа требовалась в огромных количествах.

Отличаясь очень большой предприимчивостью, Ассанов одним из первых русских торговцев решил поставлять овечью шерсть в Америку, но в районе Кобдо она была не очень хорошего качества: руно грубое, много ости, сильно загрязнена, имела желтый цвет. Ее так и называли «желтяк», потому что овцы, ночевавшие в загонах, спали прямо на навозе.

Ассанов решил закупать шерсть в Гобийской степной зоне. У него было устроено шесть больших факторий в различных регионах Монголии. Именно там он скупал шерсть, которая отличалась высоким качеством. И представители американского бизнеса с удовольствием согласились покупать у Ассанова такую шерсть. Была даже отправлена пробная партия на Дальний Восток. Но дело дальше не сдвинулось. В Америке произошли какие-то изменения в текстильной промышленности, экономические неурядицы, и Николай Иванович вынужден был свернуть поставки шерсти в Америку.

В 1911 году в Монголии совершилась революция. В ходе ее мно-

гие китайские торговцы если и не были убиты, то полностью разорились. Но некоторые колонисты-китайцы, которые жили в Кобдо, понимая, что пробиться на родину через Монголию им не удастся, явились к самому богатому, уважаемому и влиятельному русскому человеку в этой местности – Николаю Ассанову. Они предложили ему свои товары, серебро в обмен на бумажные ассигнации.

За труды на должности купеческого старшины в Кобдо он был награжден Министерством иностранных дел России золотой медалью на станиславовской ленте. Более того, Китайское правительство в свою очередь наградило его орденом Двойного дракона IV степени. У него в общей сложности было пять медалей: «За усердие» на станиславовской, владимирской, андреевской лентах, медаль «За участие в деятельности Общества Красного Креста во время русско-японской войны». Он получил также ордена Святого Станислава 3-й степени и Святой Анны 3-й степени.

В Монголии тогда ходили в обращении слитки серебра, местное население не знало как таковой денежной системы. Чтобы налегке доехать до Бийска, а оттуда по Транссибирской магистрали до Владивостока, китайцы не жалели никаких средств. Многие из них, явившись к русским купцам, предлагали громадные партии слитков серебра. Предложений было так много, бумажных ассигнаций у русских так мало, что, воспользовавшись этим, некоторые купцы сбили цены. И китайское серебро, стоившее в мирное время чуть ли не полтора рубля, пошло в начале по рублю, потом по 80-70 копеек; в конце концов цена слитка упала до 40 копеек.

И тогда Ассанов, у которого было много наличных денег (а китайцы в первую очередь требовали бумажные ассигнации), скупил очень большую партию серебра и других китайских товаров.

Умер Николай Ассанов в ноябре 1921 года в Бийске.

В 1990 году в ассановский особняк вселился Исторический отдел краеведческого музея. Те, кто желает познакомиться с историей бийского купечества и, в частности, с Н.И. Ассановым, с судьбой его семьи, могут увидеть в залах музея кое-какие материалы о нем. Здесь же, в библиотеке, есть документальные данные о судьбе этого неординарного, талантливого человека.